

качествами и достаточно ли их для нашего собственного выживания? Если иметь в виду мое поколение, я в этом сильно сомневаюсь. Наш жизненный опыт и адаптивные механизмы рассчитаны на совершенно другие условия. То, что мы могли, мы, каждый в меру своих способностей, сделали. Каяться, оправдываться или хвастаться сделанным (и несделанным) одинаково бессмысленно. Старая жизнь, любили мы ее или ненавидели, кончилась. Новую начинать трудно. Главное — не потерять достоинства. Остальное — молчание...

Примечания

¹ Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса//Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1992. № 1.

² Басилов В. Н. Этнография: есть ли у нее будущее?//ЭО. 1992. № 4.

³ Гинзбург Л. Литература в поисках реальности. Л., 1987. С. 326.

⁴ См. Valsiner J. Developmental Psychology in the Soviet Union. Bloomington, 1988. P. 303—306.

⁵ Козлов В. И. Между этнографией, этнологией и жизнью//ЭО. 1992. № 3. С. 13.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Там же.

Unseasonable Reflections on Urgent Problems

Present article is an answer on V. A. Tishkov's paper «Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis» («Ethnographicheskoye Obozrenie», № 1, 1992) which seems to the author a good start for metodological discussion. The criticism of the essentialist conception of ethnological categories is strongly supported by the scholar. It is stressed out that our concepts are social constructs and their validity depends mainly on their euristic progress. Theoretical pluralism is a precondition for the scientific progress. At the same time investigator disagrees with Tishkov's nihilistic attitude towards historiography and the arm-chair ethnology, they are based upon field research but also have their own value. It is mentioned that our knowledge of Western social theories and research is inadequate. As for the national question in this country, some of ethnic conflicts can be solved not by political separation but only at the level of inter- and intracommunity relations. Everybody have to think about that in advance.

I. S. Kon

© 1993 г., ЭО, № 1

С. А. А р у т ю н о в

ПРЕОДОЛЕНИЕ КАКОГО КРИЗИСА?

На днях в книжных магазинах Москвы всего по 20 коп. за экземпляр распродавалось, но не раскупалось, уцененное издание не столь уж большой давности — 1989 года. Я вхожу в число авторов одной из статей в этом издании¹. И хотя от лично мною написанных строк в этой статье отказываться, возможно, и не приходится, тем не менее очевидно, что наличие моей подписи под статьей, в которой имеются такие утверждения, как, например, «бесспорно дальнейшее развитие кубинской социалистической нации», «общая направленность изменений этносоциальных образований в социалистическом мире будет характеризоваться прежде всего дальнейшим совершенствованием социальных параметров, присущих именно социалистическим обществам», «это приведет ... к дальнейшему укреплению общегосударственных метаэтнических образований (типа советский народ)», «для дальнейшего гармоничного развития национальных отношений в СССР первостепенное значение приобретает осуществляемое КПСС революци-

онное обновление советского общества», «в результате складывается новая, социалистическая (коммунистическая) цивилизация», и много других аналогичных клише, никак не украшает мою библиографию.

Статей и даже книг такого рода, которым сегодня оказалась грош цена, можно отыскать в истории советской этнографии немало. Но вовсе не они определяют общий облик, накопленный тезаурус знаний и творческий потенциал отечественной народоведческой науки. И даже в индивидуальном плане почти нельзя назвать таких авторов-этнографов, в трудах которых доминировало бы подобное фальшиво-идеологизированное пустословие. В большинстве случаев оно было лишь вынужденной данью давлению цензоров-редакторов, прозрачным и незатейливым камуфляжем, чисто механически обрамлявшим серьезные научные исследования и выводы, которые и сегодня сохраняют и долго еще в полной мере будут сохранять непреходящее значение и интерес для профессионального читателя.

Не претендуя ни в коей мере ни на полноту, ни даже на какую-либо «репрезентативность выборки», а просто случайно бросив взгляд на книжную полку, назову книги М. Г. Левина, Б. О. Долгих, С. В. Иванова, В. И. Васильева, Б. Х. Кармышевой, В. М. Кулемзина, Р. Г. Кузеева, Г. С. Масловой, В. В. Напольских, М. Г. Рабиновича, Г. П. Снесарева, А. В. Смоляк, В. А. Туголукова, Л. Н. Чижиковой². Хочу отметить, что в этот краткий перечень намеренно не включены ни одна кавказоведческая работа, ни одна работа этнографов Украины, Беларуси, стран Балтии, а среди таких работ немало обладающих высокой научной ценностью.

В то же время даже в этой небольшой и случайной выборке (я действительно использовал только одну свою книжную полку) можно найти и работы, основанные почти всецело на полевых материалах, и труды, базирующиеся в основном на архивных источниках, и книги, написанные с использованием того и другого, и, наконец, исследования, в которых применен комплексный подход и в равной мере охвачены все виды источников.

Не говоря уже о том, что этот перечень авторских монографий нетрудно было бы многократно расширить, можно назвать и очень большое число фундаментальных коллективных трудов, важных основополагающих статей и других публикаций. Они составляют основное ядро результатов 40-летнего развития отечественной этнографии в постсталинскую советскую эпоху, ядро, от которого вся псевдоидеологическая шелуха отбрасывается сама собой. Поэтому «строгий критический анализ прошлого» и «общественное покаяние», о которых пишет В. А. Тишков в своей статье³, год назад положившей начало дискуссии о судьбах и перспективах отечественной этнографической науки, вряд ли являются сегодня нашей самой насущной задачей. Время покаяния и анализа прошлого уже миновало, наступило время осмысления задач и возможностей будущего.

Задач много, а возможностей мало. Последнее зависит вовсе не от внутреннего кризиса в науке, а от неблагоприятных внешних обстоятельств.

Советские этнографы, как показывает уже приведенный выборочный перечень их работ, вовсе не были внутренне скованы псевдомарксистской догмой. Ученые творчески применяли метод исторического материализма в той мере, в какой им это позволял официоз, пуще всего боявшийся действительно творческого приложения подлинного марксизма к анализу реальной действительности, как это хорошо отметил недавно Ю. И. Семенов⁴. Они широко использовали историко-сравнительный метод, не чужды были структурному и семиотическому подходам, идеям Маршалла Салинса и Марвина Гарриса, и вообще применяли весь методический и методологический арсенал современной этнологической мысли сообразно поставленной познавательной задаче. Так что ни ныне живущие из упомянутых мной авторов, ни большинство их творчески работающих не упомянутых здесь коллег отнюдь не испытывают методологических затруднений в дальнейшем исследовании тех проблем, которыми они плодотворно занимались в течение многих лет и десятилетий.

Успешному развитию нашей науки сегодня препятствуют крайне неблагоприятные экономические и политические условия, внешние по отношению к самой науке: подобное шагреновой коже сокращение научных коллективов; мизерная оплата труда ученого и как следствие — нежелание одаренной молодежи входить в науку; обусловленные экономическими, а отчасти и военно-политическими факторами трудности в осуществлении полевой работы; крайне сузившиеся возможности публикации результатов научных исследований.

Здесь вряд ли помогут рекомендации, содержащиеся в статье В. И. Козлова, «показывать этнологический товар лицом, как того требуют законы рынка»⁵. За малыми исключениями, явно недостаточный для понимания роли гуманитарной фундаментальной науки и реальной опасности ее разрушения интеллектуальный уровень тех квазидемократов, которые все более заполняют сегодня российские коридоры власти, не дает оснований надеяться, что им может всерьез понадобиться качественный «этнологический товар». На этом тусклом фоне интеллектуальные лидеры правой оппозиции выглядят порой прямо-таки гигантами мысли, однако и их эвентуальный приход к власти, к счастью, маловероятный, гуманитарно науке ничего хорошего не сулит. Нельзя ожидать понимания задач и значения фундаментальной науки и от людей, объективно выражающих интересы реального приходящего к власти класса новой буржуазии, класса зачаточного, рыхлого, неоднородного, в основном полукоррупторского, полукриминального. Их идеология, не идущая дальше расплывчатого фетиша «рынка», в нынешнем исполнении скорее смахивающего на мафиозно контролируемую барахолку, «этнологическом товаре» ходу не даст. Опять-таки за малыми исключениями, невелики надежды и на меценатское спонсорство. Век новых Третьяковых и Морозовых придет еще не скоро. Впрочем, и во времена его расцвета и Санкт-Петербургская Академия наук, и Русское географическое общество были *Императорскими* учреждениями. Без хотя бы частичной, но весомой государственной поддержки учреждения такого рода существовать вообще не могут.

Так что же все-таки остается делать бедным российским этнографам? Боюсь, что ответ прозвучит малопривлекательно, хотя и реалистично: то же, что следовало бы делать всем, не исключая даже шахтеров и авиадиспетчеров, то, что делала основная масса японцев в послевоенной оккупированной Японии и что постперестроечной неоккупированной России не захочет делать никто, пока не заставят безработица и репрессии⁶. А именно: максимально добросовестно работать на своем рабочем месте (пока оно есть), выполнять свои профессиональные задачи, невзирая на трудности, на мизерную зарплату и на сидящую на нашей шее ораву жуликоватых коммерсантов, коррумпированных чиновников и извращавшихся политиканов. Несколько слов следует сказать о том, какие именно задачи нам в этих условиях придется в обозримом будущем выполнять и как это следовало бы делать.

Очень многие утверждения и предложения, содержащиеся в статье В. А. Тишкова, представляются мне вполне правильными. Но я не могу согласиться с предположением, что «этнос, как и формации, есть умственные конструкции», что «они существуют исключительно в умах историков, социологов этнографов» (с. 7). Формаций можно выделять пять, шесть, три, и это может зависеть от задач, от подхода, и давать в любом случае интересные и полезные результаты. Это не вызовет, например, массового возмущения у японцев, относимых в средние века к феодальным народностям, а в середине XIX в. — к формирующимся буржуазным нациям. Не будет митингов на площадях Токио с лозунгами «Мы были не феодальной, а азиатской формацией», не будет протеста от японского МИДа о недопустимости трактовки «реставрации Мэйдзи как буржуазной революции. А вот выступление японского премьера, заявившего, что в Японии нет национальных меньшинств, сразу же вызвало бурный протест айских организаций, невзирая на их слабость и малочисленность. Это и «умственные конструкции» никак не могут поделить Пригородный район Северной Осетии, не могут наладить мирное сосуществование в Южной Осетии

И «умственное конструирование» абхазов как субэтноса мегрелов, а мегрелов как отдельного от грузин этноса, не изменит сложившихся линий политического противостояния, хотя и вызовет дополнительные страсти. Так что вряд ли оправданы претензии В. А. Тишкова к Н. Ф. Мокшину (с. 8) по поводу неприятия последним взгляда на эрзя и мокшу как на отдельные этносы: не как «умственная конструкция», а как объективная реальность эрзя и мокша не ведут себя как этносы, но попытки навязать им такое поведение могут оказаться действительно политически вредными, и для кого — это тоже понятно: в конечном счете — для российской демократии.

Так что проблемами этноса, этнической типологии, этноконсолидирующих и этнодифференцирующих факторов нам придется еще долго заниматься и в теоретическом, и в сугубо практическом плане. На мой взгляд, при надлежащей организации контактов между учеными и администраторами тот факт, что В. А. Тишков на некоторый срок одновременно оказался и директором нашего института и председателем Госкомнаца, мог принести немалую пользу и науке, и государственной политике, но в любом случае, даже и без этого недолгого счастливого совпадения, нам, несомненно, предстоит в течение ряда лет большая работа по мониторингу межэтнических отношений, работа, от которой ни в коем случае нельзя отмежевываться, но следует использовать ее возможности для проведения многоплановых полевых исследований.

Это, однако, не означает, что мы должны выполнять функции правительственных чиновников и осведомителей. Этнограф, изучающий конкретный народ, этически обязан быть на стороне этого народа в любой его конфронтации с силами более высоких уровней. Он обязан постараться довести до понимания этих сил правоту претензий народа, недопустимость и потенциальную вредность силового давления на него. И в этом смысле непонятной остается ссылка В. А. Тишкова на высказывания М. Фуко (с. 18, 19). Для кого мы должны вести «топологическое обследование поля боя»? Для тех, кто намерен наступать на позиции национального меньшинства? Вот это действительно неприемлемо. И во многих случаях наш долг будет состоять именно в том, чтобы, вопреки предостережениям Фуко, сказать обеим сторонам: «Вот то, что Вы должны сделать». Примут они этот совет или нет, это уже другой вопрос.

Топологическое обследование тем не менее необходимо, как в переносном, так и в прямом смысле. Так что усилия «тех, кто, — по словам В. А. Тишкова, — десятилетиями воспитывался... на составлении этнографических атласов и карт» (с. 7), сегодня и завтра будут нужны гораздо более, чем вчера и позавчера. Эти усилия должны отражать не только статику расселения этносов, но и динамику их перемещения. Такие данные насущно необходимы обществу и государству в целом. Опять-таки другой вопрос, хватит ли у руководителей государства широты кругозора для понимания этой необходимости. Думаю, что понимание все-таки придет, но, как всегда, не сразу, а с большим запозданием. Поэтому одна из важнейших наших задач сегодня — это подготовка резерва этнографических кадров как через аспирантуру, так и прежде всего через вузовское и даже, возможно, гимназическое преподавание. Пока что мы занимаемся этой задачей недопустимо мало. Между тем не исключено, что «перестройка» (оборачивающаяся, как и горбачевская, просто слепым разрушением) Российской Академии наук действительно приведет ее к превращению в некий номинальный почетный клуб, и оптимальным путем сохранения институтов станет их включение в вузовскую, прежде всего университетскую систему. Но даже если это не произойдет, в любом случае очевидна необходимость тесного сотрудничества, взаимопроникновения и сращивания университетской и институциональной науки.

Я в целом согласен с В. А. Тишковым и в оценке нашей полевой этнографии. Хотелось бы, конечно, чтобы по этому поводу высказался кто-нибудь из коллег, обладающих наибольшим личным опытом полевой работы, но таких, увы, остается все меньше и меньше. Думаю, что этнографический стационар не только полезен,

И «умственное конструирование» абхазов как субэтнуса мегрелов, а мегрелов как отдельного от грузин этноса, не изменит сложившихся линий политического противостояния, хотя и вызовет дополнительные страсти. Так что вряд ли оправданы претензии В. А. Тишкова к Н. Ф. Мокшину (с. 8) по поводу неприятия последним взгляда на эрзу и мокшу как на отдельные этносы: не как «умственная конструкция», а как объективная реальность эрзя и мокша не ведут себя как этносы, но попытки навязать им такое поведение могут оказаться действительно политически вредными, и для кого — это тоже понятно: в конечном счете — для российской демократии.

Так что проблемами этноса, этнической типологии, этноконсолидирующих и этнодифференцирующих факторов нам придется еще долго заниматься и в теоретическом, и в сугубо практическом плане. На мой взгляд, при надлежащей организации контактов между учеными и администраторами тот факт, что В. А. Тишков на некоторый срок одновременно оказался и директором нашего института и председателем Госкомнаца, мог принести немалую пользу и науке, и государственной политике, но в любом случае, даже и без этого недолгого счастливого совпадения, нам, несомненно, предстоит в течение ряда лет большая работа по мониторингу межэтнических отношений, работа, от которой ни в коем случае нельзя отмежеваться, но следует использовать ее возможности для проведения многоплановых полевых исследований.

Это, однако, не означает, что мы должны выполнять функции правительственных чиновников и осведомителей. Этнограф, изучающий конкретный народ, этически обязан быть на стороне этого народа в любой его конфронтации с силами более высоких уровней. Он обязан постараться довести до понимания этих сил правоту претензий народа, недопустимость и потенциальную вредность силового давления на него. И в этом смысле непонятной остается ссылка В. А. Тишкова на высказывания М. Фуко (с. 18, 19). Для кого мы должны вести «топологическое обследование поля боя»? Для тех, кто намерен наступать на позиции национального меньшинства? Вот это действительно неприемлемо. И во многих случаях наш долг будет состоять именно в том, чтобы, вопреки предостережениям Фуко, сказать обеим сторонам: «Вот то, что Вы должны сделать». Примут они этот совет или нет, это уже другой вопрос.

Топологическое обследование тем не менее необходимо, как в переносном, так и в прямом смысле. Так что усилия «тех, кто, — по словам В. А. Тишкова, — десятилетиями воспитывался... на составлении этнографических атласов и карт» (с. 7), сегодня и завтра будут нужны гораздо более, чем вчера и позавчера. Эти усилия должны отражать не только статику расселения этносов, но и динамику их перемещения. Такие данные насущно необходимы обществу и государству в целом. Опять-таки другой вопрос, хватит ли у руководителей государства широты кругозора для понимания этой необходимости. Думаю, что понимание все-таки придет, но, как всегда, не сразу, а с большим запозданием. Поэтому одна из важнейших наших задач сегодня — это подготовка резерва этнографических кадров как через аспирантуру, так и прежде всего через вузовское и даже, возможно, гимназическое преподавание. Пока что мы занимаемся этой задачей недопустимо мало. Между тем не исключено, что «перестройка» (оборачивающаяся, как и горбачевская, просто слепым разрушением) Российской Академии наук действительно приведет ее к превращению в некий номинальный почетный клуб, и оптимальным путем сохранения институтов станет их включение в вузовскую, прежде всего университетскую систему. Но даже если это не произойдет, в любом случае очевидна необходимость тесного сотрудничества, взаимопроникновения и сращивания университетской и институточной науки.

Я в целом согласен с В. А. Тишковым и в оценке нашей полевой этнографии. Хотелось бы, конечно, чтобы по этому поводу высказался кто-нибудь из коллег, обладающих наибольшим личным опытом полевой работы, но таких, увы, остается все меньше и меньше. Думаю, что этнографический стационар не только полезен,

но просто необходим молодому этнографу, и лучшим вариантом здесь может быть работа в течение года или двух сельским учителем в среде изучаемого народа (своего или другого, во втором случае не менее полугода надо добавит на овладение языком). Конечно, знание языка изучаемого народа должно, наконец, стать обязательным требованием. Я знаю немного примеров такой учительской стажировки, но результаты она, как правило, дает очень хорошие. Однако стажера-этнографа не следует перегружать учительской работой и кроме школьной зарплаты он должен получать еще некоторую стипендию, чтобы иметь возможность большую часть времени уделять этнографическим исследованиям. Кстати, термин «включенное наблюдение» относится именно к таким формам деятельности.

Поле для такой деятельности в Российской Федерации, а отчасти и в «ближнем зарубежье» по-прежнему необозримо обширно. Но при работе среди неславянско населения, если только этнограф не одной национальности с ним, желательны и даже необходимо налаживать исследования в содружестве, а в дальнейшем и в соавторстве, пусть не с профессиональными этнографами, но во всяком случае с интересующимися этнографией гуманитариями из числа этого населения. Вообще же одной из важнейших задач в области этнографического образования является подготовка возможно большего числа квалифицированных исследователей из среды неславянских народов России, с одной стороны, и углубленная качественно поставленная на новый уровень подготовка специалистов по этнографии русского народа — с другой.

Что касается исследований по зарубежной этнографии, основанных на авторских полевых материалах, то, при всей моей радости за заслужившую единственную похвалу В. А. Тишкова работу Н. Л. Жуковской, я не могу согласиться с его утверждением, что других хороших работ у нас в последнее время было. Книга М. А. Членова вышла в свет довольно давно, в 1976 г., а материал собирался еще раньше; но книга И. Г. Косикова вышла в 1988 г., и ее ценность отрицать невозможно⁷. Не вина, а беда В. Р. Кабо, что до пенсионного возраста он не выезжал за пределы СССР, но и в этих условиях ему удалось написать книги, имеющие непреходящую ценность⁸. Наконец, при всех трудностях и недостатках планирования советско-индийских экспедиций, их нельзя называть малоэффективными. Конечно, не так скупое следовало бы публиковать их материалы⁹, многие из которых все еще не изданы, но это опять-таки вина отнюдь не только авторов исследований. Работы во Вьетнаме и на Кубе действительно не дали сопоставимого с затраченными усилиями эффекта, но это уже следствие порочной парадигмы социалистической этносоциологии.

В целом же, конечно, перспективы для развития зарубежной полевой этнографии и антропологии в России невелики, хотя при организации сотрудничества по улучшенной модели советско-индийских экспедиций они были бы возможны. Для занимающихся зарубежной Азией всегда останется классической для вокавода работа с текстом, но это уже не этнография, или не совсем и не только этнография. Разумеется, ожидать в БАНе «случайной книжки о Гаити» (с. 1 сегодня никто не будет, но и брать интервью у пикетчиков (там же) надлежит все-таки журналистам, а не ученым.

Что же касается наименования нашей дисциплины, то в общем это вопрос не столь уж принципиальный и в значительной мере зависит от индивидуальных вкусов. Лучше всего русское слово «народоведение», но если обращаться к интернациональной лексике, то я предпочел бы «антропологию» как науку о человеке, с добавлениями «социальная», «экономическая», «культурная», «религиоведческая», «физическая», «генетическая» и еще разная другая. По сравнению с термином антропология, семантическое поле термина этнография представляется довольно узким, а термина этнология — еще более узким и конкретным. Скажут «этнография Русского Севера» и «общая этнография» можно, а вот «этнолог русских» нельзя: этнология — наука общая, обобщающая, кросскультурная, сфокусированная именно на обозрении этносов, тогда как антропология може

■ не делать такой акцент на этничности. Ведь не делает же его, например, работа Джека Гуди, сопоставляющая кулинарию Африки и Европы. Автор, правда, обозначил ее как труд по сравнительной социологии, но по сути это социально-культурная антропология¹⁰. В отечественной науке к этой категории можно было бы отнести большую часть трудов А. И. Першица, А. М. Хазанова, В. А. Шнирельмана, В. Н. Басилова и многих других.

Я думаю, что упомянутое выше сотрудничество специалистов из центральных научных учреждений с коллегами на местах, представителями изучаемых народов, должно строиться именно как сотрудничество этнологов, социоантропологов, культурологов с этнографами, углубленно занимающимися исследованием своего этноса. Полной идентичности парных терминов почти никогда не бывает, но в значительной мере этнография мне представляется соответствующей «фолькскунде», а этнология — «фэ́лькеркунде» (или китайским двум «миньцзусюэ», несущим соответственно «человек» и «страна» в качестве ключа-определителя при «цзу»). Одним из примеров такого сотрудничества этнологов и культурологов с этнографами может служить исследование армянской сельской культуры, результаты которого обобщены в капитальном труде «Культура жизнеобеспечения и этнос»¹¹.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что советская школа этнографии в лице лучших ее представителей, в частности С. А. Токарева, как правильно отмечает В. Н. Басилов¹², такого различия не проводила, полностью включая терминологически этнологию в состав этнографии, а на деле, скорее, наоборот, не выделяя фолькскунде из фэ́лькеркунде, считая первое в применении к любому народу одним из многих частных случаев второго. Проводить или не проводить такое различие зависит, повторяю, от вкуса, а точнее, от поставленной познавательной задачи. В приведенном выше примере исследования армянской культуры разграничение между специалистами было явным, но в ходе работы оно раздвигалось и по существу стиралось. Да и в самом ограниченном смысле внимания этнография отнюдь не сводится к описанию, а обязательно включает в себя и анализ.

Конечно, наша дисциплина переживает сегодня кризис, но в разных своих областях по-разному. Музейная этнография (которую вряд ли кому придет в голову считать этнологией) испытывает немалые затруднения и потери (в том числе и качественные: порча и хищение предметов), но благодаря мощной коллекционной базе будет существовать и развиваться в любых обстоятельствах. Вузовская этнография (включая элементы этнологии) продолжает привлекать студентов, особенно чувствующих перспективность изучения национальной и этнокультурной проблематики, и, видимо, будет усиливаться за счет перехода в вузы части высших учебных заведений. В национальных республиках Российской Федерации (и тем более в бывших союзных республиках) этнография своего народа, т. е. фолькскунде в чистом виде, несомненно, не ослабит, а скорее укрепит свои позиции. В наихудшем положении оказывается именно Институт этнологии и антропологии, средоточие фундаментальной, теоретической, обобщающей науки. Пока в нем немало научных сил, но они сокращаются, стареют, не получают поддержки и не возобновляются. Сам по себе ствол отечественной этнологии, хотя и страдает рядом диспропорций и искривлений, все еще достаточно жизнеспособен и мощен. Путем прививки к нему ряда новых направлений и методологий, взятых из арсенала мирового научного сообщества, его продуктивность можно было бы поддержать и даже повысить. Однако посаженный на голодную землю, лишенный нормальных возможностей полевой работы и публикации, он может зачахнуть и отсохнуть. Конечно, глубинные корни отечественного народного творчества, как неотъемлемая часть мощнейших корней общероссийской и прежде всего собственно русской гуманитарной культуры, не могут быть умерщвлены, только бы их ни морили и ни травили. Они непременно дадут жизнеспособную поросль, но в другое время и в другом месте. Наша важнейшая задача — передать в наследство этой поросли максимальный запас питательной пищи в виде аналитических публикаций (если не монографий, то статей, если

